

А. С. Левакин

**СОЦИАЛЬНАЯ ДЕПРЕССИВНОСТЬ КОЛХОЗНЫХ АДМИНИСТРАТОРОВ
НА ЮГЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.:
ПРИЧИНЫ И ПОСТУПКИ**

*Работа представлена кафедрой теории государства и права и отечественной истории
Южно-Российского государственного технического университета
(Новочеркасского политехнического института).*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. П. Скорик

**В статье анализируется проблема морально-психологического состояния представителей ад-
министративно-управленческого аппарата коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополья**

в период коллективизации в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. На основе конкретно-исторических материалов автор приходит к выводу о том, что наиболее характерным психическим состоянием множества колхозных управленцев был социально-личностный стресс, обусловленный как тяжелыми материально-бытовыми условиями, так и спецификой профессиональной деятельности.

The problem of moral and psychological condition of the representatives of administrative-managerial machinery of the collective farms in the Don, Kuban and Stavropol regions in the collectivisation period of the late 1920s – early 1930s is analysed in the article. On the basis of concrete historical documents the author comes to the conclusion that the most characteristic psychological condition of many collective farm managers was social and personal stress due to the complicated financial and existential conditions as well as the specific nature of their professional activities.

Коллективизация, согласно известному сталинскому определению, представляла собой «революцию сверху»¹. С этим суждением вполне можно согласиться, имея в виду не только радикализм аграрных преобразований 1930-х гг., коренным образом изменивших привычный уклад сельской жизни, но и жесткость (зачастую крайнюю жестокость) в процессе их осуществления. Коллективизация заслуживает сравнения с революцией еще и с социально-психологической точки зрения. Ведь в годы «колхозного строительства», как и во времена революционных потрясений советское общество (точнее, сельское население СССР) делилось на сторонников коллективизации, чей эмоциональный настрой был пропитан оптимизмом, верой в достижение «светлого будущего», и противников данной политики, отличавшихся подавленным морально-психологическим состоянием. Причем, по свидетельствам разнообразных документов, подавленное психическое состояние было характерно для большинства крестьян, без различия полов, возрастов и состояний. В состоянии стресса пребывали не только единоличники или рядовые колхозники, но даже творцы «новой жизни» в лице советских и партийных работников, рабочих-двадцатипятидесятников, сельских активистов и т. д.

Надо сказать, что отмеченный нами аспект коллективизации практически не освещался в научной литературе: с одной стороны, из-за обычного и весьма характерного невнимания советской историографии к сфере повседневности, к «человеческой ис-

тории», с другой – в результате влияния идеологии, с позиций которой коллективизация изображалась как торжественное (хотя и не лишённое трудностей и «перегибов») движение к «светлому будущему». Дабы содействовать частичному заполнению образовавшейся лакуны, нами принята попытка осветить проблему эмоционально-психологического состояния колхозного социума в период коллективизации, на примере колхозных администраторов, для которых, как нам представляется, состояние стресса было весьма характерно (едва ли не в большей мере, чем для рядовых колхозников).

На первый взгляд у администраторов коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополя, в отличие от рядовых колхозников, практически не было оснований для тревог и отчаяния: ведь они находились на вершине колхозной иерархии и обладали возможностями для всемерного улучшения собственного материального положения. В реальности, однако, представителям административно-управленческого аппарата колхозов нередко приходилось даже хуже, чем их подчиненным. Тому был ряд причин, среди которых, как нам представляется, следует выделить неудовлетворительные условия жизнедеятельности многих колхозных управленцев и членов их семей, и специфику колхозной системы, существенно затруднявшую процесс выполнения ими своих задач по поддержанию и развитию колхозного производства.

С многочисленными материально-бытовыми проблемами на Юге России чаще

всего сталкивались колхозные администраторы из числа рабочих-двадцатипятидесятыхников. Присланные в совершенно незнакомые им села и станицы, где у них не было родственников и налаженных источников продовольствия и денежных средств, двадцатипятидесятые ютились по общежитиям, получали мизерную зарплату, голодали (как писал один из них, «насчет питания дело обстоит прескверно»)². Местное же руководство, к которому двадцатипятидесятые обращались за помощью, обычно предпочитало ссылаться на трудности «текущего момента» и обещало: «Жди, все тебе будет»³. Нет ничего удивительного в том, что, находясь в подобных условиях, многие новоиспеченные колхозные управленцы из вчерашних промышленных рабочих весьма мрачно смотрели на свою жизнь.

Душевные терзания двадцатипятидесятыхников стократно усиливались в случае, если их семьи, остававшиеся на родине, попадали в бедственное положение. В частности, весной 1930 г. рабочий-двадцатипятидесятый Д. К. Кудинов жаловался в вышестоящие инстанции, что не имеет возможности чем-либо помочь своей семье, проживавшей в поселке при одной из украинских шахт. Как можно понять из письма Кудинова, его жена по каким-то причинам была уволена с шахты, после чего бросила троих детей и «куда-то бежала». Дети остались без присмотра, голодали, «о чем», как писал Кудинов, «я сильно был расстроен». Он пытался уехать в краткосрочную командировку на родину, чтобы привезти детей в возглавляемый им колхоз, «но в связи с ударной работой меня не пустили». Далее Кудинов характеризовал свое морально-психологическое состояние в следующих выражениях: «Находят частые мысли покончить самоубийством, только из[-]за детей [я этого не сделал]»⁴. Мысли о самоубийстве в данное время посещали и многих других колхозных администраторов, так что летом 1930 г. работники Северо-Кавказской Рабоче-Крестьянской инспекции (РКИ) говорили об этом как о «болез-

ненной тенденции», порожденной «трудностями борьбы со всякого рода недостатками»⁵. Причем у целого ряда управленцев не находилось, как у Кудинова, серьезных сдерживающих факторов, и они все-таки реализовали свои суицидальные наклонности⁶.

Еще более мощным фактором стрессового состояния представителей административно-управленческого аппарата коллективных хозяйств являлась специфика колхозной системы. Дело в том, что колхозные управленцы должны были заботиться о поддержании рентабельности и о развитии вверенных им хозяйств и в то же время – о безоговорочном и своевременном (а желательном и досрочном) выполнении и перевыполнении многочисленных государственных обязательств. Но в 1930-х гг., по существу, это чаще всего были взаимоисключающие задачи, так как сталинский режим облагал колхозы столь высокими налогами, что полное их выполнение нередко вело к разорению многих коллективных хозяйств и обнищанию колхозников (достаточно вспомнить печально знаменитый Великий голод 1932–1933 гг.). Поэтому, стремясь выполнить первую из отмеченных задач, колхозные руководители обычно не достигали второй, и наоборот. Все это соответствующим образом сказывалось на их профессиональной карьере и, разумеется, на эмоционально-психологическом самочувствии.

В июле 1930 г. жертвой указанного выше конфликта интересов колхозов и государства стал Капустин – председатель коллективного хозяйства хутора Барсуковский (Невинномысский район Северо-Кавказского края). Капустин, который, судя по материалам РКИ, происходил из маломощных середняков и являлся убежденным сторонником «колхозного строительства», стремился добросовестно выполнять государственные задания. Однако в итоге у колхоза не оставалось средств для достойного вознаграждения колхозников, которые обвиняли председателя в том, что у них нет средств для приобретения необходимых продуктов питания и промышленных това-

ров. Все это и довело Капустина, тяжело пережившего невозможность совместить запросы государства и потребности крестьян, «до потери желания работать», а затем и «до развязки с жизнью»⁷.

Подобно Капустину, множество колхозных управленцев на Юге России в первой половине 1930-х гг. также не имели никакого «желания работать». Понимая, что подчиненные им колхозы все равно не смогут выполнить поставленные задачи (поскольку полуголодные колхозники демонстрировали полнейшую трудовую апатию) и весьма мрачно глядя в будущее, эти люди стремились избавиться от сомнительной чести руководить коллективными хозяйствами. Так, во время осеннего сева 1933 г. в колхозе «Красная звезда» Георгиевского района Северо-Кавказского края бригадир 3-й бригады Шевцов просил правление освободить его от выполнения профессиональных обязанностей, «пока не разбежалась бригада», а бригадир Русанов резко заявил председателю: «Работать бригадиром я не могу, лучше меня сейчас сажайте». Как отмечали сотрудники ОГПУ, причинами отказа от работы являлась «боязнь, что бригада не выполнит плана осеннего сева», за чем последовал бы арест бригадиров как главных виновников срыва посевкампаний⁸.

Другие колхозные администраторы, пребывая в подавленном психическом состоянии, пытались бороться со стрессом обычным российским средством, а именно – путем неумеренных возлияний. В источниках содержатся многочисленные примеры «систематического пьянства» колхозных управленцев⁹, которые тем самым стремились как бы уйти от неприглядной реальности в

иллюзорный мир, даруемый алкоголем. Не случайно в периодике в данное время появлялись призывы следующего содержания: «Правленцы! Колхозники требуют от вас боевой работы, а не пьянки»¹⁰.

Даже те руководители коллективных хозяйств, которые отличались более крепкой психикой и не злоупотребляли алкоголем, стремились после выполнения сельхозкампаний снять накопившееся напряжение какими-либо иными способами. Так, в декабре 1934 г. председатель колхоза «Трудовой путь» Кропоткинского района Азово-Черноморского края Воронов с утра до ночи охотился на зайцев и на упреки вышестоящего руководства отвечал, что все работы по хозяйству выполнены, «а значит, я могу душу отвести на охоте»¹¹.

Итак, в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., в период коллективизации, множество колхозных администраторов на Юге России отличалось подавленным эмоционально-психологическим состоянием. Стрессовое состояние колхозных управленцев являлось следствием не только материально-бытовых затруднений, но главным образом невозможности сколь-нибудь удовлетворительного выполнения поставленных перед ними задач по укреплению и развитию колхозного производства, возникшей вследствие аграрной политики сталинского режима. Иными словами, негативные последствия форсированной коллективизации проявлялись не только в деградации сельского хозяйства и обнищании крестьянства, но и в нарастании социальной депрессивности в российской деревне, в частности – в селах и станицах Дона, Кубани и Ставрополья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История ВКП(б): Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрено ЦК ВКП(б). 1938 год. М., 1950. С. 291.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 14. Д. 96. Л. 184; Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 84. Л. 6. 8.

³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 96. Л. 49. 179. 184.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ ГАРО. Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 84. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 3–4.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 23. Л. 65.

⁹ Там же. Д. 111. Л. 106; Д. 113. Л. 80; Ударник полей. Газета политотдела Миловановской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 11 октября; 29 октября.

¹⁰ Колхозный путь. Газета политотдела Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 12 декабря.

¹¹ Знамя колхозника. Газета политотдела МТС им. Димитрова Георгия Азово-Черноморского края. 1934. 4 декабря.